

УДК 17.026

ПРОБЛЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ ПРИХОЖАН В ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Орлова Вера Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
церковной истории Тамбовской духовной
семинарии

E-mail: verorl@yandex.ru

Для цитирования: Орлова, В.Д. Проблемы поведения прихожан в православных храмах во второй половине XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 68–78.

Аннотация

В статье проанализировано влияние охватывавшей все более широкие слои населения моды на внешний облик и поведение паствы православных приходов. В качестве источников использованы отчеты отцов благочинных Тамбовской епархии и изданные на рубеже XIX и XX веков книги о правилах поведения в обществе. Основное внимание уделено горожанам. Выделены наиболее беспокоившие духовенство новые манеры поведения прихожан. Затронуты некоторые детали траурного и свадебного костюмов и церемонии. Сделаны выводы о роли модернизации общества в нарушении православных традиций.

Ключевые слова: духовенство; прихожане; мода; модернизация общества; этикет.

В середине XIX века в Российской империи православное вероисповедание было доминирующим во всех слоях общества. Но общество не оставалось неизменным. Наступило время развития урбанизации страны и модернизации общественных отношений. Возникали противоречия между традициями и новыми веяниями. Формировалась индустрия моды. Менялись принципы воспитания поведенческих навыков детей и молодежи. После отмены крепост-

ного права резко возросла территориальная и социальная мобильность населения. В повышении статуса человека важную роль стали играть денежные доходы. Для внешней фиксации достижений на социальной лестнице, в первую очередь, использовался костюм и смена публичного поведения. Ведь их сменить быстрее и легче, чем культуру речи, уровень образования, эрудиции и бытовую культуру. Подобная ситуация, отчасти, напоминает состояние общества в начале XXI века, когда для достижения имиджа многие ориентируются на доносимые средствами массовой информации поверхностные модные веяния. Поэтому обращение в прошлое актуально для осознания нынешних проблем.

В рассматриваемый период широкое распространение получили издания с рекомендациями по соблюдению светских манер поведения. Более ранние из них, в основном переводные, предназначались для воспитателей подростков и юношеского полезного чтения. Они имели вполне светский характер, отражавшийся в названиях. «Искусство быть забавным в беседах», «Разговор о свете», «Наука быть учтивым», «Женская школа, или Нравоучительные правила для наставления прекрасного пола, как оному в свете разумно себя вести при всяких случаях должно» и т.п. В них не было разделов о поведении в православном храме, т.к. в основе лежали книги католических или протестантских стран. Затем главным адресатом советов по этикету стали взрослые люди, не получившие в детстве и отрочестве должного светского воспитания, но желавшие внешне представить себя в обществе наравне с выпускниками элитных учебных заведений. Включение в изданные на рубеже XIX и XX веков сборников правил по этикету глав о поведении в храме и роли Церкви в воспитании детей было не обязательным. Но все подобные книги служат источником, позволяющим представить отношение зажиточной верхушки общества к церковным таинствам.

Так как приходской храм был местом коммуникации жителей, то новые веяния не миновали приходские общины. Проблема эта была не нова для Церкви. И в эпоху Ивана Грозного обнародовались рекомендации о необходимости смиренного поведения в церкви даже царственных женщин. Прихожанке надлежало всю службу стоять в левом нефе, крестообразно сложив руки. Осуждались праздные разговоры в храме. Трудно сказать, насколько уда-

валось достичь этого единообразия на практике даже в конце сурового средневековья.

Вот и в XIX веке духовенство с нарастающей тревогой стало отмечать нерегулярное посещение служб, раскованное поведение прихожан и общее несоответствие, с его точки зрения, модных нарядов православным традициям. В отчетах благочинных церковью Тамбовской епархии в 1890–1910-е годы мы видим их нарастающее недовольство поведением прихожан, их внешним обликом на праздничных богослужениях [1]. В первую очередь это касалось представителей городов и крупных пригородных сел. Из сельской глубинки подобные сетования были редкими. На первом месте по подобным замечаниям стоят города Тамбов и Козлов с их развитой инфраструктурой и торговлей. О новых веяниях в поведении и выборе одежды священники иногда отзывались как о «железнодорожной культуре», имея в виду, порой безвкусные, внешние заимствования моды и манер поведения, которые провинциалы подсматривали на вокзальных перронах и получали из быстро доставлявшейся поездами корреспонденции.

В первую очередь духовенство отмечало следующие негативные тенденции: посещение храма в праздник только представителями семьи, обычно старухами и женщинами среднего возраста с ребятишками; экономия на свечках (покупали мало или приносили с собой свои, уносили огарки); скудные пожертвования на храм и нужды причта; праздные разговоры в храме; желание обратить на себя внимание, пробравшись вперед в любой толпе; стремление родственников и знакомых стоять общей кучкой без разделения по полу; пьяный разгул на свадьбах и крестинах; унижение членов причта. Реже всего современники отмечали недопустимое поведение в храме на отпевании и похоронах. А вот поминальные обеды в традициях ресторанного застолья были осуждаемы многими.

Испокон веков на церковных службах свахи и будущие свекрови оценивали потенциальных невест по их внешности и престижным нарядам. Ярмарка невест была непременным атрибутом многих праздников. Претензии духовенства к выбору прихожанами их праздничного костюма, чаще всего женского, заключались в следующем. В рассматриваемое время, во-первых, одежда, как никогда, вызывала зависть у окружающих и активно обсуждалась во время богослужения, а иногда становилась предметом громких

ссор. Во-вторых, нарушались традиции четкой фиксации в одежде и прическе возраста и семейного статуса девушки и женщины. Молодые рано надевали костюм и украшения взрослого типа, пользовались косметикой, носили модные головные уборы европейского образца. Изменилось общественное восприятие девичьих причесок. Дело в том, что с 1832 года нижняя планка брачного возраста девушек была поднята с 12 до 16 лет. Пока венчали с 12 лет, празднично распущенные по плечам волосы 10-летней потенциальной невесты никого в храме не смущали. Но в начале XX века уже не считались безнадежными перестарками девушки лет 22–23-х. И их роскошные волосы до колен, пусть и повязанные атласной лентой, уже вызывали разговоры. Одни считали эту прическу недопустимой, а другие любовались поющими на клиросе длинноволосыми красавицами в полном соку. Засидевшиеся в девках крестьянки не хотели демонстрировать соответствующей сменой своего костюма и прически крушение надежд на первобрачного жениха.

Традиционное восприятие начала старения женщины относилось годам к 35. Примерно в это время рождались первые внуки от дочерей. Много рожавшая и тяжело работавшая крестьянка этих лет, хотя еще могла иметь своих малышей, выглядела соответственно этим представлениям. Но городской образ жизни к концу XIX века продлил время женской привлекательности. Горожанки уже не собирались смиренно лет с сорока принять и отразить в костюме свою наступившую старость. Хотя книги по этикету настаивают, что после 35 лет уже нельзя надевать украшения молодости, а с 40 недопустимо ни по каким случаям носить белые платья, после пятидесятилетия лиф платья должен быть всегда покрыт накидкой, шалью или жакетом, а волосы скрыты, как минимум, кружевной наколкой, эти рекомендации нарушались, прежде всего, в семьях торговцев. В приходах порой бушевали страсти из-за конфликтов еще молодых женщин с молодящимися товарками, общественным мнением уже причисленными к старухам. Взрослые сельские прихожанки тоже не хотели сохранять элементы традиционного костюма, показывавшие количество детей, и вовремя отразить в одежде статус бабушки-старухи. Они как бы продляли свой бабий век по-прежнему яркими и сложными нарядами.

Косвенным отражением негативного отношения образованной публики к утрачиваемой в народе традиции «говорящего» жен-

ского русского костюма были некоторые произведения изобразительного искусства. Особенно детально старались отразить в картинах и рисунках на исторические сюжеты соответствие одежды возрасту и семейному статусу женщин А.П. Рябушкин, В.М. и А.М. Васнецовы. Репродукции их работ печатались в качестве наглядного пособия для школ.

В-третьих, изменилась колористика одежды в целом. Предпочтение фабричным тканям и галантерее, следование модным расцветкам, ношение бижутерии в массе порождало провинциальную безвкусицу. В-четвертых, некоторые девушки и женщины стали надевать в храм праздничные платья с сильно открытой грудью, спиной, руками. В большинстве своем они не разбирались в правилах этикета о ношении декольтированного костюма. В свете его не полагалось надевать раньше шести вечера и являться в нем на заутреню, вне бала декольте прикрывали накидкой. А богатые необразованные прихожанки щеголяли в декольте на дневном венчании или крестинах, с вечера приходили расфуфыренными на пасхальную службу. В-пятых, как никогда раньше, активно стала использоваться парфюмерия, и в большой праздник аромат модных цветочных одеколонов почти перебивал в храме запах ладана, хотя пособия по светскому этикету настоятельно советовали не использовать для посещения публичных мест особенно сильно пахнущие мускусные духи.

К. Светозарская в изданной впервые в 1880 году книге «Светские манеры» в главе «В церкви» не только подчеркнула важность следования нормам поведения в храме, но и отразила свою встревоженность реальным положением вещей. «К сожалению, нельзя не признаться, что сама церковь не избегла пагубного нигилистического направления, прокравшегося с недавнего времени в наше русское общество, и нередко молодые люди обоего пола входят в храм Божий с излишнею, неприличною развязностью, смело поглядывают по сторонам, как будто на каком-нибудь рауте, отыскивая знакомые лица, и вместо правильного креста пошевеливают только пальцами между пуговицами своего мундира, если они военные, или по накрахмаленной груди модной сорочки, если они штатские, или около завязок своей шляпки, если это женщина, более или менее щеголевато одетая» [8, с. 20]. Автор напоминает, что пришедший после начала службы прихожанин должен

стать у стены, а не пробираться вперед, что при чтении Евангелия должно склонить голову, что беседа в храме неуместна, что осуждение других молящихся недопустимо, что просфора берется только рукой без перчатки. «В церкви более чем где-либо следует оказывать уважение старости, женщинам и священнослужителям. Им уступают лучшие места, заботятся об их спокойствии и нередко приносят себя в жертву их немощам и слабостям. Идти в толпе впереди священника и не дать ему дороги считается крайне невежливым» [8, с. 25]. К. Светозарская ушла и возможность посещения храма образованной публикой с искусствоведческими целями. «Входя в церковь с целью осмотреть какие-нибудь художественные произведения, в ней заключающиеся, должно выбирать те часы, когда нет службы, но все-таки при вступлении мужчина должен не только снять шляпу, что само собою разумеется, но и перчатку с правой руки, а также перекреститься» [8, с. 24].

Мода на одежду заботила прихожан высокого и среднего достатка. Они стремились следовать ее тенденциям. Городская мода подстроилась под традицию соблюдения траура и ввела новое в costume, утвердив в XIX веке черный цвет. В традиционной культуре черный был нейтральным, практичным, будничным. Его носили люди старших возрастов. Срок соблюдения траура родственниками, его этапы и соответствующие им ткани и покрой костюма, нормы поведения в обществе в правилах этикета были расписаны очень детально. Но это компонент светской культуры. Духовенство не требовало особых одежд от скорбящих родственников. Но обычаи были очень сильны.

Мужской траур внешне был менее заметен. Траурные повязки в России не получили распространения. Женский траур был строгим и длинным. Начинался он с девочек. Лет в 6–10 им вплетали черные ленты и надевали темные платья, но не обязательно покрывали головы. Юные девушки носили легкие траурные накидки на голове. У взрослых женщин полагались шляпы с вуалью, а ткань платья и ее оттенок менялся в зависимости от этапа двухлетнего траура. Во время траура были допустимы украшения из волос, агата и каменного угля. По малышам траур не надевали даже в день похорон.

Траурный костюм женщины шили и носили гораздо чаще мужчин, для которых период печальных ограничений предполагался

вдвое короче. В глубоком трауре носили только матовые шерстяные материи и креп. В обыкновенном – блестящие черные. В полутрауре можно было надевать на черные или лиловые платья светлые воротнички и кружева. В народной бытовой культуре черная шаль или платок приобрели сугубо траурное предназначение только к концу XIX века и окончательно закрепились в Первую мировую войну.

Священники не акцентировали особое внимание на одежде сирот, вдов и осиротевших матерей взрослых детей, считая своей главной миссией их утешение. Поведение в храме людей в состоянии глубокого горя не требовало регламентации. Тем не менее в советское время ношение черного траурного платка осуждалось активистками партийных и комсомольских ячеек и считалось признаком принадлежности покрывшей его молодой женщины к «церковникам».

Поведенческие ограничения в трауре больше касались девушек-сирот и вдов. Общество осуждало молодых вдовушек, пренебрегающих необходимостью компаньонки. Повторное венчание женщины, похоронившей мужа, допускалось не раньше, чем через год, а вдовца через полгода. При этом для нее считалось прилично оставаться в трауре два года. В случае смерти близких родственников не всегда откладывали уже назначенную свадьбу. Более того, молоденькую девушку-сироту спешили обвенчать, дав ей кровительство новой семьи. На день такой свадьбы траур для участников свадебной церемонии прерывался и возобновлялся на следующий день, не допуская длинных пышных торжеств и развлечений вроде свадебного путешествия.

Вторжение моды в организацию крестин коснулось зажиточных горожан. Советы по этикету рекомендовали выбирать в крестные людей одного социального положения с родителями малыша. Тогда их решения не вызывали противоречий. Таких прихожан не интересовало мнение духовенства. На купеческих крестинах купель девочки украшали розами, крестильную одежду младенца заказывали лучшим белешвейкам и покупали по каталогам столичных магазинов. Используемую в обряде ткань, называемую ризками, тоже видоизменили. Вынутого из купели малыша вместо льняного холста стали класть на большой отрез дорогой платьевой ткани, которую затем кума дарила матери.

Свадьба к началу XX века более всего вырвалась из традиций. Только крестьянки долго хранили верность этническому костюму. Например, в селе Новотомниково Тамбовской губернии и в начале XX века девушки венчались в черном сарафане. В городе белый наряд первобрачной в рассматриваемый период стал практически нормой. Его выбирало для своих дочерей и духовенство, в том числе сельское.

Женихом и невестой считались только помолвленные священником мужчина и женщина. После помолвки они должны были молитвенно готовить себя к таинству. Но встречалось пренебрежение этой подготовкой и даже неблагоговейное поведение молодых при венчании. В книге по этикету в разделе «Поучение против неблагопристойного поведения при совершении таинства брака» говорилось: «Уж очень неблагообразно и не по чину вы себя теперь ведете. К святым иконам и алтарю Господню стоите одни спиной, другие вполоборота, свободно разговариваете, без стеснения смеетесь, переходите с места на место, так что за всем этим едва слышны голоса священнослужителей. И прискорбнее всего то, что никто из вас не возмущается таким неблагочином церковным, как будто бы, так и должно быть.... Если же кто не вразумится, то Сам Господь того покарает» [3, с. 125].

Свадебная мода регулировала все детали венчальных нарядов. И прихожанок это очень заботило. Первобрачной девице полагалось белое платье из тяжелой материи. В венке и букете ей приличествовали флердоранж и ландыши. В беднейшем варианте допускались мелкие полевые или садовые цветочки. Популярный в Европе мирт в венках юных невест в России встречался редко. У большинства невест цветы в венке и букете бывали искусственными. Обязательна была длинная фата. Из украшений девушке под венцом полагались только сережки и ожерелья из жемчуга, коралла или бирюзы в серебре. Из золота допускался только нательный крестик. «В храме бриллианты на девушке просто неприличны» [3, с. 64]. Фамильные драгоценности, в том числе и бриллианты, новобрачная могла надеть только на свадебном балу. После бала ей не полагалось их надевать до рождения первенца.

Вдова получала букет из роз, а венка и фаты ей не полагалось. Голова покрывалась вуалью. Платье не должно было быть белым.

Его цвет зависел от возраста. У молоденькой оно могло быть светло-серым, а у пожилых особ лиловым. При венчании второбрачных шаферы держали венцы над плечами молодых. Ограничений в украшениях не было. У дважды вдовы, венчающейся третий раз, цветов и венца не полагалось.

Если венчание совершалось, как положено, утром, то платье невесты шилось с высоким воротом и длинными рукавами. Приглашенные дамы также должны были быть в закрытых костюмах и в головных уборах. Но многие зажиточные горожане стремились уговорить духовенство обвенчать их детей вечером. Ведь тогда так эффектен ярко освещенный храм, а дамы надевают декольте, пусть и прикрыв его пелеринами.

Таким образом, в условиях модернизации общества духовенству было нелегко противостоять захлестнувшим их прихожан модным веяниям, претендовавшим на перемены внешнего вида и поведения людей в храме. Невысокая образованность и культура большинства горожан даже на богослужениях выводила на первое место наружный лоск, отодвигая на второй план молитвенность. Отказавшись от старинных традиций и не усвоив нормы этикета светского общества, определенная часть зажиточной публики вызывающе вела себя в церкви, одевалась несообразно со случаем и допускала конфликты с духовенством. Поиск нового тона общения с паствой требовал от священников твердости в принципиальных требованиях, определенной эрудиции в вопросах моды и терпения, которых хватало не всем и не всегда.

Список литературы

1. ГАТО. Ф. 181. Д. 1792, 1835, 2076, 2092, 2310.
2. *Безгин, В.Б.* Состояние нравственности сельских прихожан в материалах епархиальных отчетов конца XIX – начала XX века / В.Б. Безгин // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2015. – Вып. 2. – С. 189–196.
3. *Жизнь в свете и дома* / сост. В. Третьякова. – Москва : ТЕРРА, 1997. – 368 с.
4. *Лаврентьева, Е.В.* Светский этикет пушкинской поры / Е.В. Лаврентьева. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 640 с.

5. Орлова, В.Д. Тревога тамбовского духовенства о нравственности прихожан в конце XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Вып. 2. – С. 183–188.

6. Правила вежливости и светского этикета. – Репр. воспр. изд. 1889 г. – Москва : Белый город, 2007. – 272 с.

7. Русские традиции. Правила хорошего тона. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 304 с.

8. Светозарская, К. Светские манеры / К. Светозарская. – Москва : Абрис, 2018. – 256 с.

UDC 17.026

PROBLEMS IN THE BEHAVIOR OF PARISHIONERS IN ORTHODOX CHURCHES IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

Orlova Vera D.

PhD in History, Associate Professor

Department of History

Tambov Theological Seminary

E-mail: verorl@yandex.ru

For citation: *Orlova, V.D. Problems in the Behavior of Parishioners in Orthodox Churches in the Second Half of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 68–78.*

Abstract

The article analyzes the influence of fashion, which has spread over a wider population, on the appearance and behavior of the flock of Orthodox parishes. The sources used were the reports of the fathers of the deaneries of the Tambov diocese and books published at the turn of the 19th and 20th centuries on the rules of behavior in society. The main attention is paid to the townspeople. New behavior patterns of parishioners, which worried the clergy most of all, have been highlighted. Some details of the mourning and wedding costumes

and ceremonies are touched upon. Conclusions are drawn about the role of modernization of society in violating Orthodox traditions.

Keywords: the clergy; laity; fashion; modernization of society; etiquette.

References

1. GATO. F. 181. D. 1792, 1835, 2076, 2092, 2310. [The State Archives of Tambov Region. Fund 181. Files 1792, 1835, 2076, 2092, 2310]. (in Russian)

2. *Bezgin, V.B.* Sostoyanie npravstvennosti sel'skikh prikhozhan v materialakh eparkhial'nykh otchetov kontsa 19 – nachala 20 veka [The Moral Status of Rural Parishioners in the Materials of Diocesan Reports of the Late 19th – Early 20th Centuries]. // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2015, issue 2, pp. 189–196. (in Russian)

3. *Zhizn' v svete i doma* [Life in the Light and at Home]. / comp. V. Tretyakova. Moscow, TERRA, 1997. 368 p. (in Russian)

4. *Lavrentieva, E. V.* Svetskii etiket pushkinskoi pory [Secular Etiquette in the Time of Pushkin]. Moscow, OLMA-PRESS, 1999. 640 p. (in Russian)

5. *Orlova, V.D.* Trevoga tambovskogo dukhovenstva o npravstvennosti prikhozhan v kontse 19 - nachale 20 veka [Anxiety of the Tambov Clergy about Morality of Parishioners in the late 19th - Early 20th Centuries]. // Theological collection of the Tambov Theological Seminary, vol. 2, pp. 183–188. (in Russian)

6. *Pravila vezhливости i svetskogo etiketa* [Rules of Politeness and Social Etiquette]. Repr. vospr. izd. 1889, Moscow, Belyi gorod, 2007. 272 p. (in Russian)

7. *Russkie traditsii. Pravila khoroshego tona* [Russian Traditions. Good Manners]. Moscow, OLMA Media Group, 2015. 304 p. (in Russian)

8. *Svetozarskaya, K.* Svetskie manery [Secular Manners]. Moscow, Abris, 2018. 256 p. (in Russian)